

История

Научная статья
УДК 373.31
EDN: OZWUJX
DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-108-120

Преподавание отечественной истории в низшей школе Российской империи в начале XX в.

Е.Д. Твердюкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Внутриполитические события в Российской империи в начале XX в. актуализировали общественные дискуссии о путях развития отечественной системы образования, в том числе о качестве преподавания в низшей школе. На нее возлагались не только функции просвещения народных масс и обучения их элементарным навыкам (умению читать, писать, совершать несложные арифметические действия), но и задачи по формированию мировоззренческих установок у подрастающего поколения. Основные дискуссии велись между сторонниками так называемого антропологического направления педагогики, делавшими акцент на приоритете общечеловеческих ценностей, и теми, кто выступал за усиление национальной составляющей русской школы и признавал правильную (выдержанную в патриотическом ключе) подачу исторических знаний одним из сильнейших факторов формирования детской картины мира. Указанные разногласия обусловили отсутствие в педагогическом дискурсе единого мнения относительно изучения прошлого родной страны в рамках кратковременного пребывания учеников в стенах народной школы. В предлагаемой статье анализируются различные подходы отечественных педагогов к содержанию программ начального обучения (в частности, к вопросу о целесообразности включения в них разделов по истории), к методам и формам преподавания; характеризуются взгляды представителей общественности на учебные книги, употреблявшиеся в качестве пособий к урокам по отечественной истории. Отстаивается тезис, что в отсутствие политического консенсуса в обществе и единой государственной политики в вопросах образования объем и качество преподавания истории всецело зависели от личности народного учителя и присущих ему ценностных ориентиров.

Ключевые слова: российская педагогика, низшее образование, начальная школа, история отечества, объяснительное чтение, хрестоматии, государственная идеология, национальное воспитание, патриотизм

Благодарности: исследование подготовлено при финансовой поддержке Фонда русской цивилизации «Светославь», проект КГРИ № 3/2023 «Воспитание гражданственности у детей и юношества в России начала XX в.: теория и практика государственной политики».

Для цитирования: Твердюкова Е.Д. Преподавание отечественной истории в низшей школе Российской империи в начале XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 108–120. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-108-120>. EDN: OZWUJX.

History

Original article

Teaching Russian history in primary school of the Russian Empire at the beginning of the 20 century

Elena D. Tverdyukova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. Political events in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century updated public discussions about the ways of development of the education system, including the quality of teaching in a lower school. It was entrusted not only with the functions of educating the masses and teaching them elementary skills (the ability to read, write, perform simple arithmetic operations), but also with the tasks of shaping the world outlook of the younger generation. The main discussions were held

between supporters of the anthropological direction of pedagogy, who emphasized the priority of universal human values, and those who advocated strengthening the national component of the Russian school and recognized the correct (patriotic) presentation of historical knowledge as one of the strongest factors in the formation of the children's picture of the world. These disagreements determined the lack of consensus in public discourse regarding the study of the historical past of the native country as part of the short stay of students in the walls of primary schools. The proposed article analyses various approaches of Russian teachers to the content of education programs, to the methods and forms of teaching; characterizes the views of public representatives on the educational books used as manuals for lessons on national history. The thesis is confirmed that in the absence of a political consensus and the unified state policy on education, the scope and quality of history teaching depended entirely on the personality of the teacher and his worldview.

Keywords: Russian pedagogy, lower education, primary school, history of fatherland, explanatory reading, anthologies, state ideology, national education, patriotism

Acknowledgements: the reported study was funded by Fund of Russian Civilisation "Svetoslav", project № 3/2023 on this topic "Education of patriotism and citizenship among children and youth in Russia in the early twentieth century: theory and practice of state policy".

For citation: Tverdyukova E.D. (2024) Teaching Russian history in primary school of the Russian Empire at the beginning of the 20 century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 1. P. 108-120. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-1-108-120>. EDN: OZWUJX.

Историография дореволюционного российского образования имеет богатую исследовательскую традицию. Неоднократно предметом изучения становилось методологическое наследие выдающихся деятелей отечественной педагогики, отмечались принципиальные различия в подходах к процессу обучения со стороны представителей либеральной и консервативной педагогической мысли, анализировались способы репрезентации учебной информации (Баранникова, 2009; Днепров, 2011; Зарубежная и отечественная педагогика..., 2012; Начало учения..., 2014; Сенькина, 2022 и др.). Получил освещение в научной литературе и вопрос об историческом образовании в дореволюционной России, но в подавляющем большинстве работ рассматривались проблемы гимназического курса обучения (Ищенко, 2005; Шапарина, 2012¹; Яковлева, 2006 и др.).

В данной статье анализируются взгляды отечественных педагогов на преподавание истории в низшей школе в начале XX в. Вопрос этот приобрел особенную актуальность в связи с переживаемым страной острым социальным кризисом. Поражение России в войне с Японией, политическая конфронтация, дестабилизация обстановки в ходе революции 1905–1907 гг. актуализировали общественные дискуссии о путях развития отечественной системы общего образования, призванной не только препо-

дать учащимся базовые знания, но и заложить фундамент их ментальной картины мира. В это время активно дебатировались и получали продвижение проекты введения в России всеобщего начального обучения, увеличивалось бюджетное финансирование образовательных учреждений², разрабатывались различные варианты учебных программ для народных школ, явочным порядком массово переходивших с трехлетнего на четырехлетний курс занятий. Одним из самых дискуссионных вопросов являлся вопрос о национальном характере начальной школы.

Даже представители демократического направления российской педагогики, сложившегося в конце XIX в., признавали: «Нигде нет *просто человека* [курсив автора – Е.Т.], так сказать, – человека отвлеченного, изучение которого составляет предмет науки, а есть или русский, или немецкий, или французский, словом сказать, человек *известной народности*. Поэтому немецкая школа готовится к жизни именно немецкого человека,

² По подсчетам Э.Д. Днепров, с 1894 по 1914 гг. число начальных народных школ в Российской империи увеличилось с 81 022 до 122 230, а число обучавшихся в них – с 3 263 286 до 7 541 824 чел. Расходы государственного казначейства на начальные школы возросли с 1894 по 1911 гг. с 3 492 963 до 26 302 252 руб., а расходы земств – с 7 026 637 до 19 509 589 руб. (Днепров, 2011. Т. 2. С. 21, 357).

¹ Шапарина О.Н. Историческое образование в гимназиях России (начало XX века) : учеб. пособие. М. :Изд-во МГОУ, 2012. 125 с.

французская – французского, русская должна приготавливать русского человека»³.

Но систему российского образования, сложившуюся в 1860-е–1870-е гг. не без влияния западной либеральной идеологии, многие называли космополитичной: «Русский народ хотят убедить, что государство российское есть сброд разных национальностей, из которых каждая имеет право на самостоятельное государственное существование, что соединение их в одно целое есть последствие насильственного гнета, что и языка государственного не должно быть» (А.К., 1909. С. 16–17). Школе же следовало противостоять подобным настроениям, прививая детям сознательную любовь к своему отечеству. Заметка⁴ о необходимости военного патриотического воспитания в сельских школах, напечатанная 23 февраля 1911 г. в газете «Русский инвалид», удостоилась благосклонного внимания императора Николая II, он даже собственноручно отметил синим карандашом понравившийся ему отрывок, касавшийся обучения инородцев: «Я буду учить и поляков, и чухон только о великой России, я буду говорить им, что они дети славного и могучего русского государства. Они не должны знать ни Сигизмундов, ни Карлов,

но твердо должны помнить имена Иоанна, Петра, Екатерины. Пора повсюду, из всех учебников, и высших, и низших, вычеркнуть имена Финляндии и Польши; пора всех учить тому, что есть губернии Вазасская, Абосская, Нюландская, Калишская, Петроковская, а что Польша была когда-то, когда было и Хозарское царство, а Финляндия – той никогда не было, а была Швеция» (Журнал заседания Особой междуправительственной комиссии, учрежденной для детальной разработки вопросов о физическом развитии молодежи и обучении ее военному строю, 26 февраля 1911 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 348).

Попечитель Петербургского учебного округа А.А. Мусин-Пушкин, констатировавший, что русское юношество не воспитывается в духе веры, преданности престолу и отечеству, в любви к своей истории, упрекал в этом народного учителя: «Каждый преподаватель, имеющий в виду космополитические идеалы, а не свои родные, национальные, не может не оказывать заметного влияния в этом направлении на своего ученика, а когда в этом космополитическом направлении ведется все преподавание в школе, то в результате и получается космополитическая школа, чуждая родной истории, родному прошлому страны» (Мусин-Пушкин, 1915. С. 5–6). Основоположник российской педагогики П.П. Блонский, с 1908 г. преподававший педагогику и психологию в различных учебных заведениях Москвы, оправдывался тем, что интеллигенция – наименее национальная часть общества: «Что касается меня, то я прямо боюсь, что если я буду пытаться составлять план положительного содержания национального воспитания вот у себя, в кабинете, где почти все книги по педагогике иностранные, то это и выйдет лишь моим, навеянным западноевропейской педагогикой планом, а не народным» (Блонский, 1915. С. 16).

В межреволюционный период российское учительство оказалось перед необходимостью ответить на вопрос: является ли национальное начало пустым и вредным пережитком, тормозом свободы и культуры или же, наоборот, поступательное развитие государства возможно только на родной почве, на основе национального самосознания? Журналист В.Ф. Динзе, выступавший с докладом на первом Всероссийском съезде по семейному вос-

³ Бунаков Н.Ф. Школьное дело. Учебный материал, проработанный на учительских съездах и курсах за тридцать лет (1872–1902). Изд. 3-е. СПб. : Изд. М.М. Гутзаца, 1906. С. 9.

⁴ Заметка была опубликована в серии фельетонов, объединенных общим заглавием «Вторник у генерала Бетрищева», выходивших за подписью Гр.А.Д. Под этим псевдонимом скрывался П.Н. Краснов, который вспоминал позднее о своей работе военного журналиста: «Так установилось, что почти каждую неделю и всегда ночью, в двенадцатом часу, когда генерал Поливанов (помощник военного министра) кончал свои текущие работы, он вызывал меня к себе и указывал, что должен я написать в очередном фельетоне “Русского Инвалида”... В большинстве вопросы, по которым я должен был писать, мне были совершенно неизвестны. Генерал Поливанов давал мне соответствующий материал – книги, “министерские дела”, доклады, иногда сам диктовал мне, что и как я должен был осветить в своем очередном фельетоне... Эта моя работа в “Русском инвалиде” была нужна Военному министерству для подготовки общественного мнения для принятия того или иного предложения министра». См.: Краснов П.Н. На рубеже Китая. Париж : Изд. Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов, 1939. С. 11. Таким образом, эта статья не служила выражением частного мнения, а отражала господствовавшие в высших военных кругах воззрения.

питанию в 1912 г., сформулировал «тему дня» следующим образом: «Человек или гражданин должен составлять идеал воспитания? Мир или отечество, вселенская земля или родная почва должны быть положены в его основу?» (Динзе, 1913. С. V). Но его основной тезис, согласно которому защищать национальное воспитание и подчеркивать его обязательность можно лишь при убеждении, что сама национальная идеология не пустой и вредный пережиток, а единственный символ здоровой жизни и развития, не получил поддержки. Все выступавшие в прениях по докладу ораторы отстаивали приоритет общечеловеческих ценностей в программе русской школы, и прежде всего – низшей, единственно доступной для подавляющего большинства населения империи.

К началу Первой мировой войны в систему низшего образования входили несколько типов учебных заведений: 1) высшие начальные (по Положению 25 июня 1912 г.) и городские училища (по Положению 31 мая 1872 г.); 2) уездные училища (по Уставу 8 декабря 1828 г.), городские двухклассные училища (по Положению 26 мая 1869 г.), а также центральные училища в бывших немецких колониях и горские школы с аналогичным курсом; 3) начальные училища, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения, Святейшего Синода, ведомства учреждений императрицы Марии и др. Имелись также частные учебные заведения второго и третьего разрядов (соответствовавшие городским/уездным училищам и начальным училищам)⁵.

В большинстве начальных училищ (так называемых народных школ, в административном отношении подчинявшихся Министерству народного просвещения, но фактически составлявших предмет ведения земских и городских самоуправлений) существовал трехлетний срок обучения. Так, по результатам учительской анкеты 1910 г., трехлетними были 76,4 % одноклассных земских училищ (Акимов, 1916. С. 37, 40). В перечень изучавшихся предметов входили Закон Божий, чтение по-русски и по-славянски, письмо, арифметические действия. Утвержденными 7 февраля 1897 г. Министерством

народного просвещения программами для народных школ еженедельно отводилось 8 часов на русский язык, 6 часов – на уроки по Закону Божьему, 5 часов – на арифметику, 3 часа – на церковнославянскую грамоту, 2 часа – на чистописание (Барышников, 1912. С. 4)⁶. Таким образом, систематическое изложение событий истории программой не предусматривалось. Эти сведения полагалось сообщать детям в ходе объяснительного чтения на уроках русского языка, на которое в целом (включая изучение текстов не только по истории, но и по литературе, географии, естествознанию) в земских школах обращалось внимание в 2,5 раза меньше, чем на грамматику и правописание (Акимов, 1916. С. 44). Не полагалось при этом и специальных учебников⁷, но соответствующие разделы в книгах для классного (объяснительного) чтения имелись далеко не всегда. Так, К.Д. Ушинский в предисловии к первому изданию своего труда «Детский мир» указывал, что использовать для упражнения в чтении можно все; но далеко не все из этого может быть усвоено школьниками и объяснено им учителем с одинаковой пользой: «Рассказы исторические положительно не годятся для этой цели: десятилетнего ребенка нет возможности возвысить до правильного понимания великих исторических личностей и великих исторических событий, а понижать эти личности и события до уровня детского понимания, значит уродовать историю, что не только бесполезно, но положительно вредно»⁸.

⁶ Барышников П.И. Примерные программы предметов 3-годичного курса начальных народных училищ, утвержденные Министерством народного просвещения 7 февраля 1897 г., программа 4-годичного курса начальных училищ в Москве и одобренные для школ учебники и пособия. Изд. 3-е. М. : Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1912. 64 с.

⁷ В качестве примера одного из немногих учебников, предназначенных для низшей ступени образования, можно указать на выдержавшее 19 изданий учебное пособие Н.М. Горбова «Русская история для начальных школ», в котором давалось систематическое изложение курса, начиная от древних славян до эпохи Александра III. Предлагавшиеся тексты были довольно сложны для восприятия, набраны мелким шрифтом, без иллюстраций.

⁸ Ушинский К.Д. Детский мир и хрестоматия, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы (Назначается для детей от 8 до 12 лет). СПб. :Тип. т-ва «Общественная польза», 1861. С. IV.

⁵ Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1913 год. Пг. : тип. Имп. Академии наук, 1916. С. 110–113, 134.

В дальнейшем он скорректировал точку зрения и включил в более поздние издания своей хрестоматии отрывки из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

По данным сотрудников Нижегородской губернской земской управы, в 227 одноклассных школах губернии (что составляло 95,4 % из 238, предоставивших сведения об использовавшихся учебниках) история преподавалась по книгам объяснительного чтения (в том числе в 17 из них статьи для уроков подбирались из двух пособий), в 4 школах – по учебникам русской истории, в 1 школе – со слов учителя, в 6 – по наглядным пособиям. При этом, как следовало из анкетных опросов, свыше 20 % учителей не принимали никакого участия в подборе педагогической литературы. Остальные выбирали книги из присланных уездными земскими управами печатных списков, сформированных училищными советами, не пользуясь правом включить в требование необходимое издание из числа допущенных Министерством народного просвещения (Малиновский, 1912. С. 720, 740).

Выбор методики предоставлялся самому народному учителю. По свидетельству одного из педагогов, в первую же неделю его пребывания в новой школе сами ученики попросили его рассказать о том, как «люди прежде жили»: «Для первого раза я рассказал им об основании Русского государства. Слушали очень внимательно. После этого я решил по субботам предлагать им небольшие рассказы из русской истории. Между прочим, их заинтересовал рассказ о просвещении христианством Руси и о замечавшемся на первых порах двоеверии... ибо пред их глазами происходило почти полное повторение этой картины – среди инородческого населения. После Святков пришлось рассказывать ученикам между прочим об освобождении крестьян от крепостной зависимости: в школе уже существовал обычай 19 февраля являться в церковь для присутствия на панихиде по Царе Освободителе... конечно, было необходимо, чтобы молитва детей была совершенно сознательной» (Год учительства..., 1911. С. 139–140).

Подобная фрагментарность обычно сохранялась и в случаях пользования учителями книгами для объяснительного чтения. Многие педагоги не без основания указывали, что исторический материал подавался в них без плана, без глубокого содержа-

ния, без разъяснений, без знакомства с историей, как предметом, имевшим свои источники и методы исследования (Гуревич, 1915. С. 202). Одним из решений этой проблемы представлялась опора на локальную историю, информацию о которой было легче донести до учащихся в ходе учебного процесса (например, посредством экскурсий). Так, представитель кадетской партии Н.Ф. Езерский, имевший в 1904–1905 гг. опыт работы инспектором народных училищ в Пензенской губернии, считал целесообразным максимально учитывать при преподавании местный фактор. По его мнению, события войны 1812 г. могли лучше запечатлеться в умах жителей Московской губернии, где о ней еще сохранились воспоминания, а Пугачевского бунта – в Саратовской (Езерский, 1911. С. 8). Однако столь выборочная подача материала не способствовала системному усвоению курса.

Пагубной оказывалась и противоположная тенденция – стремление ряда учителей максимально насытить редкие часы занятий информацией: «Мальчугана с первых шагов заставляют зубрить о славянах, древнерусских князьях, как будто они жили только вчера... Не успел ученик как следует разъяснить себе, что за оказия такая “племя”, “славянские городки”, “меновая торговля”, а уже составитель спешит дальше сообщить о первых русских князьях. Много ли вынесет учащийся из такого метода преподавания истории? Не лучше ли начинать с того, что недавно было около ребенка, с описания, когда в деревне сидели с лучиной, жили в курных избах... Мысль детей окрылится, заработает: ребенок самым материалом будет втянут в понимание предмета истории и будет собирать все, что касается деревни. Дальше можно поставить рассказы стариков о крепостном праве... Старинные вещественные памятники дополняют картину: домашняя утварь, наряды, посуда» (Кузнецов, 1915. С. 148). Такой принцип обучения (от простого, знакомого – к сложному и отдаленному во времени) находил все больше приверженцев среди методистов. Но в условиях ограниченности времени занятий подобный подход оборачивался тем, что к изучению прошлого родной страны школьники приступали не ранее третьего года обучения. Это подтверждали и результаты опросов. Так, согласно анкете 1910 г., в подавляющем большинстве 4-летних одноклассных школ Нижегородской гу-

бернии изучение истории начиналось с третьего отделения, в 62 – со второго, в 21 – с четвертого, и лишь в 4 – с первого (Малиновский, 1912. С. 720).

Соглашаясь в целом, что изучение родной истории развивает умственные способности учащихся (логическое мышление, воображение, память) и способствует нравственному развитию детей, педагоги признавали, что систематический курс, со множеством имен собственных, дат, географических названий, представлял для учеников слишком обширный и трудный материал для усвоения. Но, с учетом того что выпускники начальных училищ, как правило, не получали дальнейшего образования, большинство из них все же считали необходимым вводить соответствующие уроки в курс начальной школы. При этом считалось совершенно не нужным и даже вредным сообщать много исторических событий и проследивать прошлое шаг за шагом, по векам. Предлагалось лишь дать ряд последовательных картин быта всех слоев населения в различные эпохи для понимания исторического процесса и уяснения зависимости настоящего от прошлого. Многие считали, что только такая задача может оправдать преподавание истории в начальной школе; если осуществить ее невозможно, то бесполезно и вводить ее в курс обучения.

Для лучшего восприятия материала учениками рекомендовалось употреблять следующие методические приемы: 1) освещать лишь главные события (эпизоды) из курса истории (т. н. эпизодический принцип преподавания); 2) приурочивать эти события к описанию жизнедеятельности выдающихся государственных деятелей (т. н. биографический принцип); 3) события всеобщей истории освещать лишь в контексте истории отечественной (Яблочков, 1895. С. 327).

В церковноприходских школах, для которых Высочайше утвержденными 13 июня 1884 г. Правилами устанавливался курс, рассчитанный на два года, гражданская история преподавалась в связи с историей русской церкви. Не вдаваясь в излишние подробности, следовало так преподносить главные события из жизни русских монархов и их сподвижников, чтобы учащиеся прониклись к ним глубоким интересом и участием и выносили убеждение, что Россия «всегда была сильна своею православною верою и единодержавною царскою властью, и что только тот будет истинный сын России,

кто свято соблюдает учение Святой церкви православною и верно служит государю, помазаннику Божью» (Яблочков, 1895. С. 329).

Особенно продуктивным при изучении истории признавался наглядный метод преподавания. Так, попечитель Киевского учебного округа, представляя министру народного просвещения Л.А. Кассо экземпляр Инструкции по обучению военному строю и гимнастике в низших учебных заведениях округа, признал необходимым сопровождать соответствующие занятия «производительным чтением и беседами», причем лучшей литературой для этих целей он считал рассказы из героического прошлого страны (с сопровождением туманными картинами патриотического содержания), а также полагал необходимым располагать произведения изобразительного искусства с портретами доблестных слуг царя и родины на стенах школьных классов (Инструкция по обучению военному строю и гимнастике в низших учебных заведениях Киевского учебного округа, 10 июня 1911 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 587. Л. 35). Одними из самых популярных в учительской среде наглядных пособий служили «Картины по русской истории», выпускавшиеся в 1908–1913 гг. московским книгоиздателем И.Н. Кнебелем в сотрудничестве с историком культуры С.А. Князьковым, подготовившим исторические комментарии к иллюстрациям. Репродукции с картин⁹, к созданию которых привлекались известные мастера-живописцы (В.М. Васнецов, Б.М. Кустодиев, А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, В.А. Серов и др.) распределялись по четырем разделам: Киевская Русь, Суздальская Русь, Московская Русь, Всероссийская Русь и привлекали внимание учащихся не только сюжетом, но и возможностью дополнять исторические сведения материалом из литературы, географии, естествознания. Например, картина М.В. Добужинского «Город в николаевское время» настолько точно выполняла функцию наглядного пособия, что «ко всякой мелочи можно было

⁹ Помимо репродукций в удобном для классных занятий формате 66 x 88 см, Кнебель выпустил часть из них в виде доступных по цене художественных открыток, что обусловило широкое их распространение в учительской среде.

подыскать у Гоголя соответствующую цитату» (Князьков, 1989. С. 2)¹⁰.

Популяризации сведений по истории отечества призваны были служить и поэтические хрестоматии. Например, в пособии для начальной школы и младших классов средней школы «Родная история в стихотворениях», составленном Ю. Веселовским и В. Улановым, в хронологическом порядке располагались стихи, объединенные в тематические блоки («Славяне», «Варяги», «Приднепровская Русь», «Татарское иго», «Время Петра I» и др.), каждому из которых предшествовало введение, знакомящее учеников с эпохой и содержащее необходимые комментарии к поэтическим текстам; а также содержался перечень туманных и стенных картин, призванных иллюстрировать тот или иной период истории. Существовали и беллетризованные курсы отечественной истории (например, «Моя первая история в рассказах для детей» Н.Н. Головина).

Одним из наиболее дебатированных в педагогической среде вопросов был вопрос о том, должны ли сведения по истории составлять в начальной школе, явочным порядком переходившей к четырехлетнему периоду занятий, самостоятельный предмет для преподавания или по-прежнему входить в курс родного языка в виде уроков объяснительного чтения и наглядных бесед¹¹. В частности, он обсуждался и в ходе Первого общеземского съезда, проходившего в Москве с 16 по 30 августа 1911 г., в постановлениях которого был закреплен принцип обучения с поэтапным переходом к обобщениям и систематизации пройденного, без перегруженности курса материалом. Целью занятий по истории провозглашалась подготовка учеников к пониманию государственного и общественного строя современной России и содействие развитию в детях любви к отечеству. Занятия признавалось желательным вести путем бесед, с дополнением их классным и внеклассным чтением исторических и художественных произведений. Беседы следовало начинать с местных памятников,

или региональных событий, получивших общегосударственное значение, или с биографий выдающихся местных уроженцев. С третьего года обучения предлагалось вести последовательные беседы с целью дать по возможности связную картину развития русского народа и русского государства, останавливаясь лишь на важнейших эпохах и отмечая только небольшое число хронологических дат, характеризуя их «наиболее выпуклыми событиями и яркими личностями». В резолюции съезда отмечалось, что особого учебника по курсу истории быть не должно, а для закрепления пройденного в памяти ученикам рекомендовалось вести конспект в форме кратких вопросов¹².

Соглашаясь с тем, что занятия по истории не должны составлять отдельного предмета, педагоги выступали против «эпизодичности», исходя из необходимости дать ученикам по возможности системное представление об основных событиях прошлого. Так, например, согласно выработанной особым совещанием попечителей и учителей начальных училищ Москвы программе, изучение вопроса о принятии христианства предполагало не только обращение к событиям крещения Руси в 988 г., но и к языческим верованиям, к деятельности первых монастырей и краткому содержанию летописей; при освещении татарского ига следовало уделить внимание образу жизни кочевников, обстоятельствам нашествия Батыя, взаимоотношениям татар с русскими князьями, деятельности Александра Невского; для понимания личности Петра Великого необходимо было обсудить с учениками такие сюжеты как детство царевича, создание потешного войска, начало флота, путешествие за границу, война со Швецией и Полтавская баталия, основание Санкт-Петербурга, культурные реформы (Барышников, 1912. С. 46–47)¹³.

¹⁰ Князьков С.А. Картины по русской истории: из издания И. Кнебеля, Москва, 1908–1913 / сост. Л.И. Юниверг. М. : Изобразительное искусство, 1989. 32 л.

¹¹ По данным анкетирования 1910 г., 58 % школ ответили отрицательно на вопрос, выделены ли эти уроки в самостоятельные (Малиновский, 1912. С. 722).

¹² Постановления первого общеземского съезда по народному образованию в Москве 16–30 августа 1911 г. М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1912. С. 14.

¹³ Барышников П.И. Примерные программы предметов 3-годичного курса начальных народных училищ, утвержденные Министерством народного просвещения 7 февраля 1897 г., программа 4-годичного курса начальных училищ в Москве и одобренные для школ учебники и пособия. Изд. 3-е. М. : Книгоиздательство К.И. Тихомирова, 1912. 64 с.

Актуальной проблемой в условиях отсутствия общественного согласия о путях развития страны и ее народной школы являлась подача исторических сведений в учебной литературе, что также обратило на себя внимание императора, который отчеркнул в газетном фельетоне следующие строки: «В нашей народной школе далеко не все благополучно. Помимо учительского персонала, разве есть у нас учебники географии, истории, хрестоматии со строго выраженным патриотическим направлением?» (Журнал заседания Особой междуведомственной комиссии, учрежденной для детальной разработки вопросов о физическом развитии молодежи и обучении ее военному строю, 26 февраля 1911 г. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 795. Л. 347 об.). И действительно, одни авторы при подборе текстов для объяснительного чтения руководствовались борьбой с предрассудками и ориентировали школьников на выработку научного мышления, другие считали необходимым акцентировать внимание учащихся на необходимости любви к ближнему, третьи смотрели на образовательный материал исключительно с точки зрения воспитания патриотизма. В результате, как писал учитель С.И. Кудрявцев, издания всех наиболее популярных авторов имели общий и весьма существенный недостаток – одностороннее изложение: «Если, например, в книге Вахтерова “Мир в рассказах” весь свет, что в окне отдела по естествоведению, то в книге Горбунова-Посадова “Золотые колосья” все почти сведено к моралистике, в окраске непротивленства; наоборот, книга Баранова “Наше родное” полным полно историческими войнами, смутами, насилиями, собранными, как в калейдоскопе... чтобы пробудить в детях воинственный патриотизм» (Кудрявцев, 1911. С. 227).

Обсуждение проблемы политизации содержания школьных книг для чтения вышло далеко за рамки земских и городских самоуправлений, с книжных складов которых снабжалась учебниками школа. Так, в марте 1913 г. Государственный совет обсуждал запрос к министру народного просвещения относительно законности и целесообразности допуска в начальные училища руководства по русскому языку «Новь», составители которого (Н.В. Тулупов и П.М. Шестаков), как утверждали авторы запроса, «в высшей степени односторонне и тенденциозно» излагали прошлое отечества:

«Все те страницы, которые могли бы поднять национальную гордость, возбудить в учащихся чувство патриотизма, все эти страницы или обходятся молчанием... или излагаются очень кратко»¹⁴. Беспристрастное и внимательное прочтение соответствующего раздела указанного руководства (как резонно было замечено, отнюдь не являвшегося учебником истории) рассеяло у целого ряда членов высшей палаты российского парламента «страхи» за русскую начальную школу. Однако 32 члена Государственного совета, подписавшие запрос, обратили внимание коллег, что этот, казалось бы, частный вопрос, накануне введения всеобщего начального образования приобретал принципиальное значение в силу громадного разнообразия учебной литературы.

Вот как, например, рассказывалось об удельной Руси в «Букваре» П.Н. Казанцева: «В это время столица России перешла из Киева во Владимир. Киев был разграблен и сожжен русскими же, как чужеземным неприятелем, войсками великого князя Андрея Боголюбского. Во время этой неурядицы между русскими князьями плохо жилось русскому народу, который платил подати для войны и шел сам воевать, чтобы уничтожить свою же родную страну»¹⁵. А вот отрывок из повествования об Иване Грозном: «Иоанн IV решил совершенно уничтожить бояр, бывших советников государя, и окончательно убить в народе всякую самостоятельность. Наступило время ужасных казней. Царь окружил себя отрядом в 6000 человек самых отчаянных разбойников (опричников) и с ними мучил, вешал, травил зверями всех, на кого делали опричники донос. Русским людям пришлось терпеть насилие, потому что пожаловаться было некому, а самому вступить за себя – ему не приходило в голову»¹⁶. Там же ученики могли прочитать, что для обеспечения хорошего торгового пути к иностранцам, Петр I «отнял у шведов берега Балтийского моря», построил там город Петербург и перенес туда столицу, но «силой навязанные порядки долго не могли привиться к русской жизни»¹⁷.

¹⁴ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 8. Заседания 1–51 (1 ноября 1912–4 июля 1913 г.). СПб. : Гос. тип., 1913. Стб. 975.

¹⁵ Казанцев П.Н. Букварь и первый курс внешкольного образования. М. : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1907. С. 73.

¹⁶ Там же. С. 79–80.

¹⁷ Там же. С. 81.

Неоднократной критике подвергались книги для классного чтения в начальных училищах «Мир в рассказах для детей». Они предназначались для использования в 1–4 отделениях училищ, и каждая из них ежегодно выходила в свет тиражом до 500 тыс. экземпляров. Их авторы – В.П. Вахтеров и его супруга Э.О. Вахтерова – выступали за естественно-научное направление в образовании. Уже первые издания этой книги вызвали неоднозначную реакцию у педагогической общественности. Так, один из оппонентов считал эту работу «макулатурой», а ее популярность объяснял исключительно репутацией авторов как либеральных педагогов (Яковлев, 1911. С. 331). В.П. Вахтеров, будучи сторонником предметного метода и наглядности в преподавании, был убежден, что история попала в курс начальной школы только из политических соображений, и настаивал, чтобы она уступила место природоведению: «Начать с того, что история оперирует с такими временами, как века и тысячелетия, а дети начальной школы не имеют сколько-нибудь ясных представлений о временах, выходящих за пределы их повседневного опыта... Они не знают, что такое век, но имеют смутное понятие о годе, о полгоде, даже о сутках. Что же может представить себе ребенок, если ему говорят о событии, бывшем сотни лет тому назад... Я не говорю об учебниках, искажающих факты, фальсифицирующих события... Совершенно невозможно провести через цензуру изображение царских и правительственных деяний» (Вахтеров, 1918. С. 28–29). Максимум, что считал полезным Вахтеров, это в третьем отделении начальной школы с помощью наглядных пособий ознакомить учеников с жизнью первобытного человека, его орудиями, жилищем, одеждой, занятиями (охотой, рыболовством, добыванием огня, изготовлением горшков, приручением лошадей): «Мы потому выделяем этот период, что ребенок в возрасте начальной школы по своей психике, по своим играм (тот же лук, та же игра в лошадки и проч.) близок к первобытному человеку... Далее мы ввели бы в этот отдел понятно для детей изложенные биографии хотя бы нескольких лиц, прославившихся полезными изобретениями или открытиями или общественной деятельностью по возможности в связи с жизнью народа. С остальной же историей, если уж она необходима в начальной школе, мы знакомили бы по историческим пове-

стям, романам (в отрывках), стихотворениям, дополняя их необходимыми объяснениями учителя и иллюстрируя картинами» (Вахтеров, 1918. С. 29). Действительно, первая часть хрестоматии Вахтеровых («первой после букваря книги для классного чтения») не содержала никаких сведений по истории. Вынужденные включить исторический раздел в «Мир в рассказах для детей» последующих лет обучения, супруги поместили его в самый конец книги, наполнив отрывками из классических произведений А.С. Пушкина, А.Н. Толстого, А.А. Кизеветтера, Л.Н. Толстого и других известных авторов. При этом подбор материала для детского чтения вызывал удивление у многих современников (прежде всего, конечно, у правоконсервативных политиков), например, отрывок из повести А.К. Толстого «Князь Серебряный», представлявший собою выдержку из главы «Ночное шествие», озаглавленной составителями «Ночной бред Грозного царя»: «Изба наполнилась мертвецами. Все они низко кланялись царю, все говорили:

– Здрав буди, здрав буди, Иване, се кланяемся тебе! Вот поднялись монахи, старцы, иноки, все в черных ризах, все бледные и кровавые. Вот показали воины, бывшие с царем под Казанью. На них зияли страшные раны, но не в бою добытые, а нанесенные палачами. Вот явились девы в растерзанной одежде и молодые жены с грудными младенцами. Дети протягивали к Иоанну окровавленные ручонки и лепетали:

– Здрав буди, здрав буди, Иване, иже погубил еси нас безвинно!»¹⁸.

Содержание исторического раздела книги Вахтеровых в целом зародило подозрения у критиков в том, не введен ли он только лишь для того, чтобы в Ученом комитете Министерства народного просвещения признали «Мир в рассказах для детей» именно за книгу для чтения, а не за «скверную энциклопедию естественных наук» (Школьная подготовка..., 1913. С. 74). Товарищ министра народного просвещения М.А. Таубе подтвердил, что некоторые отрывки из сборника В. и Э. Вахтеровых были «в высшей степени неудобны для книги, пред-

¹⁸ Вахтеровы В. и Э. Мир в рассказах для детей. Книга для классного чтения в начальных училищах. 3-я часть. Для третьего и четвертого годов обучения. М. : Изд. тов-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 543.

лагаемой для детского чтения в качестве руководства в начальных училищах, и нетерпимой в государственной школе»¹⁹.

Использование в учебном процессе подобных учебных книг вызывало возмущение представителей правоконсервативных кругов, которые включились в борьбу за умонастроения молодежи, полагая, что просвещение в России должно основываться на началах религиозных и национальных, что и было зафиксировано в программных документах монархических союзов (Иванов, 2022. С. 455–456; Иванов, 2023. С. 63). Автор одного из очерков, включенного в подготовленный Русским народным союзом имени Михаила Архангела сборник «Школьная подготовка второй русской революции», писал: «Неудивительно, что знакомство с таким “правильным” взглядом на русскую историю приводит к выводу, что все, что делалось на Руси хорошего, делалось или само собой, или по народному требованию, все же худое и тормозившее развитие государства, происходило по инициативе правительства и, главным образом, верховной власти. Неудивительно, что, просветившись при помощи подобных методов, ученик народной школы будет презирать свое отечество, ненавидеть власть и удивляться, чего еще ждет народ и почему он не свергнет царей, чтобы самому воцариться» (Школьная подготовка..., 1913. С. 83). Первые результаты такого обучения современники могли наблюдать воочию. Князь Д.П. Голицын-Муравлин, рассказывая о своем опыте участия в обревизовании школьной сети в должности члена совета министра народного просвещения, приводил следующий пример. В трех министерских учебных заведениях Санкт-Петербурга на вопрос, почему Наполеон, который на Западе одерживал победы, в России потерпел поражение, он получил от учащихся однотипные ответы: «Русский народ был тогда не образован, он не понял, что Наполеон пришел с тем, чтобы дать ему свободу». Публицист скептически замечал: «Выходит так, что Наполеон привез свободу на тех лошадях, которых поставил в Успенском соборе, а мы, русский народ, по неразумению все дело ему испортили»²⁰.

¹⁹ Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 8. Заседания 1–51 (1 ноября 1912–4 июля 1913 г.). СПб.: Гос. тип., 1913. Стб. 995.

²⁰ Там же. Стб. 1007.

Дискуссия о содержании книг для объяснительного чтения вылилась в обсуждение того, насколько точным и достоверным должно быть отражение исторической действительности в учебной литературе. Так, инспектор народных училищ Херсонской губернии М.В. Лебедев предлагал положить в основу преподавания отечественной истории мысль о даровитости русского народа и его героических усилиях, окончившихся созданием великого государства. Этому должно было способствовать обильное включение в учебные пособия статей с описанием героических подвигов (Рябова, Крючкова, Водяного, Пичугина и т. п.). В результате, по мысли Лебедева, история в начальной школе могла стать «задушевной и любовной повестью» и ни в коем случае не должна была переходить в холодную критику, а тем более в порицание, ибо краснеть за свое прошлое русскому человеку не приходилось, а гордиться им – было за что (Лебедев, 1915. С. 6). Бывший товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко отстаивал точку зрения, что «известному кругу читателей с недостаточно развитым умственным горизонтом» (каковыми, по его разумению, и являлись ученики начальной школ) материал следует подавать избирательно: «Цель у нас одна: поднять в русском народе любовь к своей родине, любовь ко всему его окружающему. Все, что этой цели противоречит, должно быть безусловно исключено из всяких учебников, из всякой книги, имеющей отношение до народных масс»²¹. П.П. Блонский мыслил элементарный курс истории как «биографию» России, почему считал безусловно педагогичным драматизирование русской истории с тем, чтобы учебники начального курса «захватывали» воображение ребенка (Блонский, 1915. С. 32–33).

Градус общественной дискуссии побудил Министерство народного просвещения 9 июня 1914 г. выпустить циркуляр, в котором выбор учебных пособий и руководств для средней и низшей школы дозволялся исключительно из числа тех, что были допущены министерством (и – в надлежащих случаях – духовным ведомством). Кроме того, восставлялось действие циркулярного разъяснения 1899 г., в силу которого разрешение Ученого комитета требовалось для всех изданий допущенной в

²¹ Там же. Стб. 1018–1019.

школы книги. Ведение же преподавания по не прошедшим проверку учебникам признавалось прямым нарушением служебного долга со стороны преподавательского состава и могло повлечь личную дисциплинарную ответственность виновных учителей или их начальства, до увольнения от должности включительно.

Таким образом, реформирование системы низшего образования в Российской империи в начале XX в. являлось предметом острейших социальных разногласий. Отсутствие политического консенсуса не способствовало выработке общепринятых учебных планов и программ. В этих усло-

виях народные учителя знакомили подопечных с историческим материалом по своему усмотрению, исходя из собственных идейных пристрастий, и сами же выбирали методику преподавания. При этом, по отзывам губернских земских управ на анкету 1910 г., в большинстве школ ученикам сообщались лишь краткие сведения по отечественной истории. В результате следования «эпизодическому» принципу родное прошлое в начальной школе преподносилось зачастую как собрание разрозненных фактов и анекдотов, не оставляя никакого следа в умах и настроениях учащихся.

Список источников

А.К. Наша начальная школа. СПб. : Тип. «Сельского вестника», 1909. 47 с.

Акимов В. Постановка учебного дела в земских школах // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Март. С. 33–90.

Баранникова Н.Б. Педагогическое наследие П.Ф. Каптерева: проблема соотношения общечеловеческого и национального в теории, практике и истории образования. М. : Академия социального управления, 2009. 106 с.

Блонский П.П. О национальном воспитании. М. : Типо-лит. И.Н. Кушнерева, 1915. 40 с.

Вахтеров В.О. Предметный метод обучения. Изд. 5-е. М. : Тов-во И.Д. Сытина, 1918. 386 с.

Год учительства в народной школе (воспоминания народного учителя) // Народное образование. 1911. Т. 1. Кн. 2. С. 137–162.

Гуревич Я.Я. История как особый предмет преподавания в начальной школе // Труды первого Всероссийского съезда по вопросам народного образования. Пг. : тип. В.Д. Смирнова, 1915. Вып. 1. С. 202–205.

Динзе В. О национальном воспитании. Опыт привлечения отечественного внимания к насущному вопросу. СПб. : Изд. О.В. Богдановой, 1913. 90 с.

Днепров Э.Д. Российское образование в XIX – начале XX века : в 2 т. М. : Мариос, 2011. Т. 1. 647 с.; Т. 2. 657 с.

Езерский Н.Ф. Чем должна быть народная школа? // Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады. М. : т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. Т. 1. С. 1–17.

Зарубежная и отечественная педагогика второй половины XIX – середины XX века / под ред. Г.Б. Корнетова, А.И. Салова. М. : АСОУ, 2012. 140 с.

Иванов А.А. Политические партии России. Конец XIX – начало XX в. Т. 1. Консервативные партии. М. : Политическая энциклопедия, 2022. 599 с.

References

A.K. (1909) Our elementary school. St. Petersburg: Tip. "Sel'skii vestnik". 47 p. (In Russ.).

Akimov V. (1916) Setting of educational affairs in zemstvo schools. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya = Journal of the Ministry of Public Education*. No. 3. P. 33-90. (In Russ.).

Barannikova N.B. (2009) The pedagogical heritage of P.F. Kapterev: The problem of the correlation of the universal and national components in the theory, practice and history of education. Moscow: Akademiya sotsial'nogo upravleniya. 106 p. (In Russ.).

Blonskii P.P. (1915) On the national education. Moscow: Tipo-lit. I.N. Kushnerova. 40 p. (In Russ.).

Vakhterov V.O. (1918) Subject method of teaching. Moscow: Tov-vo. I.D. Sytina. 386 p. (In Russ.).

(1911) A year of teaching in a national school (memoirs of a national teacher). *Narodnoe obrazovanie = National Education*. Vol. 1. Book 2. P. 137-162. (In Russ.).

Gurevich Ya.Ya. (1915) History as a special subject of teaching in elementary school. *Trudy pervogo Vserossiiskogo s'ezda po voprosam narodnogo obrazovaniya = Proceedings of the First All-Russian Congress on Public Education*. Iss. 1. Petrograd: Tip.V.D. Smirnova. P. 202-205. (In Russ.).

Dinze V (1913) On the national education. Experience of attracting domestic attention to a pressing issue. St. Petersburg: Izd. O.V. Bogdanovoi. 90 p. (In Russ.).

Dneprov E.D. (2011) Russian education in the XIX - early XX century: in 2 vol. Moscow: Marios. Vol. 1. 647 p.; Vol. 2. 657 p. (In Russ.).

Ezerskii N.F. (1911) What should a public school be? *Pervyi obshchezemskii s'ezd po narodnomu obrazovaniyu 1911 g. Doklady = The First All-Zemstvo Congress on Public Education*. 1911. Reports. Moscow: T-vo "Pechatnya S.P. Yakovleva". Vol. 1. P. 1-17. (In Russ.).

Kornetov G.B., Salov A.I. (2012) Foreign and domestic pedagogy of the second half of XIX - middle of XX century. Moscow: ASOU. 140 p. (In Russ.).

Ivanov A.A. (2022) Political parties of Russia. Late XIX - early XX century. Vol. 1. Conservative parties. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 599 p. (In Russ.).

Иванов А.А. Культурная политика русских правых в начале XX века // Российская история. 2023. № 6. С. 56–71. DOI: 10.31857/S2949124X23060068. EDN: NQKRZW.

Ищенко В.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. Ставрополь : Ставропольский государственный университет, 2005. 382 с.

Кудрявцев С.И. Чему учить детей в начальной школе с повышенным четырехлетним курсом (к вопросу о воспитании в сельских школах) // Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады. Т. 1. М. : Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1911. С. 215–235.

Кузнецов Я.О. О приближении учебного материала в начальных сельских школах к жизни учащихся // Труды первого Всероссийского съезда по вопросам народного образования. Пг. : Тип. В.Д. Смирнова, 1915. Вып. 1. С. 140–152.

Лебедев М.В. К вопросу о национализации начальной школы : Доклад инспектора нар. уч-щ 10 района Херсон. губ. М.В. Лебедева. Одесса : "Славянская" тип. Е. Хрисогелос, 1915. 12 с.

Малиновский Н.А. Коренные нужды современной начальной народной школы // Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 г. Доклады. Т. 2. М. : Тип. Вильде, 1912. С. 708–760.

Мусин-Пушкин А.А. О необходимости национального направления нашей школы. Петроград : Тип. Главного управления уделов, 1915. 13 с.

Начало учения детям: роль книги для начального обучения в истории образования и культуры : сборник материалов Международной научной конференции (8–12 октября 2014 года) / редкол.: Н.Б. Баранникова и др.. М. : Канон плюс, 2014. 465 с. (Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 16).

Сенькина А.А. Школьная книга для чтения в российском парламенте, или Об одном эпизоде из истории цензуры и критики учебной литературы в начале XX века // Детские чтения. 2022. Т. 22. № 2. С. 104–131. DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-104-13. EDN: ANOGYY.

Школьная подготовка второй русской революции : [Сб. статей о шк. учеб. и указ. лит.]. Санкт-Петербург : Рус. нар. союз им. Михаила Архангела : электропеч. К.А. Четверикова, 1913. [4], VI, 292 с.

Яблочков М.Т. Русская школа. Наставления директора народных училищ. Тула : Тип. Н.И. Соколова, 1895. 346 с.

Яковлев А. О том, как «известный» педагог В.П. Вахтеров заблудился в дебрях своего собственного «предметного метода» // Народное образование. 1911. Т. 2. Кн. 10. С. 331–347.

Ivanov A.A. (2023) Cultural policy of the Russian Rightists at the beginning of the 20th century. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*. No. 6. P. 56-71. (In Russ.). DOI: 10.31857/S2949124X23060068. EDN: NQKRZW.

Ishchenko V.A. (2005) History education in Russia: late XIX - early XXI century. *Stavropol' : Stavropol' State University*. 382 p. (In Russ.).

Kudryavtsev S.I. (1911) What to teach children in elementary school with an increased four-year course (to the question of education in rural schools). *Pervyi obshchezemskii s'ezd po narodnomu obrazovaniyu 1911 g. Doklady = The First All-Zemstvo Congress on Public Education*. 1911. Reports. Moscow: T-vo "Pechatnya S.P. Yakovleva". Vol. 1. P. 215-235. (In Russ.).

Kuznetsov Ya.O. (1915) On the approach of educational material in primary rural schools to the life of students. *Trudy pervogo Vserossiiskogo s'ezda po voprosam narodnogo obrazovaniya = Proceedings of the First All-Russian Congress on Public Education*. Petrograd: Tip. V.D. Smirnova. Iss. 1. P. 140-152. (In Russ.).

Lebedev M.V. (1915) On the nationalization of elementary school. *Dokl. inspektora nar. uch-shch 10 raiona Kherson. губ. M.V. Lebedeva = Report of the inspector of folk schools of 10th district of Kherson province M.V. Lebedev*. Odessa: "Slavyanskaya" tip. E. Khrisogelos. 12 p. (In Russ.).

Malinovskii N.A. (1912) The Root needs of modern elementary folk school. *Pervyi obshchezemskii s'ezd po narodnomu obrazovaniyu 1911 g. Doklady = First All-Zemstvo Congress on Public Education*. 1911. Reports. Vol. 2. Moscow: Tip. Vil'de. P. 708-760. (In Russ.).

Musin-Pushkin A.A. (1915) On the need for a national direction for our school. *Petrograd: Glavnoe upravleniye udelov*. 13 p. (In Russ.).

Barannikova N. B. (2014) "Beginning to teach children": the role of the elementary school book in the history of education and culture. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (8-12 oktyabrya 2014 goda). Trudy seminarov «Kul'tura detstva: normy, tsennosti, praktiki» = Proceedings of the Seminar «Culture of Childhood: Norms, Values, Practices» (October 8-12, 2014)*. Moscow: Kanon+. Iss. 16. 465 p. (In Russ.).

Sen'kina A.A. (2022) The school reading book in the Russian parliament, or on an episode in the history of censorship and criticism of educational literature in the early twentieth century. *Detskie chteniya = Children's Readings*. Vol. 22. No. 2. P. 104-131. (In Russ.). DOI: 10.31860/2304-5817-2022-2-22-104-13. EDN: ANOGYY.

(1913) Schooling of the Second Russian Revolution. *St. Petersburg: Elektropech. K.A. Chetverikov*. [4], VI, 292 p. (In Russ.).

Yablochkov M.T. (1895) Russian school. Instructions of the Director of Folk High Schools. *Tula: Tip. P. Sokolova*. 346 p. (In Russ.).

Yakovlev A. (1911) About how the «famous» pedagogue V.P. Vakhterov got lost in the wilds of his own "subject method". *Narodnoe obrazovanie = Public Education*. Vol. 2. Book 10. P. 331-347. (In Russ.).

Яковлева М.К. Государственная политика в области исторического образования в конце XIX – начале XX века: на примере средних учебных заведений Курской губернии. Курск : Изд-во Регионального финансово-экономического института, 2006. 72 с.

Yakovleva M.K. (2006) State policy in the field of historical education in the late XIX - early XX century: on the example of secondary educational institutions of Kursk province. Kursk: Regional Economic and Financial Institute Publishing House. 72 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Твердюкова Елена Дмитриевна,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9, Россия,
e-mail: e.tverdyukova@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4415-2279>

Information about the author

Elena D. Tverdyukova,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor, Department of Recent History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University,
St. Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia,
e-mail: e.tverdyukova@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4415-2279>

Вклад автора

Твердюкова Е.Д. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Tverdyukova E.D. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2024 г.; одобрена после рецензирования 12 марта 2024 г.; принята к публикации 18 марта 2024 г.

Article info

The article was submitted February 20, 2024; approved after reviewing March 12, 2024; accepted for publication March 18, 2024.